

Глава 2. Последствия

Пробуждение после того, что можно было назвать самым незабываемым опытом в моей жизни, выдалось безрадостным. Первое, что я увидел, открыв глаза — пожелтевший потолок. Я тихо вздохнул: за последний год эта картина стала слишком уж привычной. Подавив легкое сожаление, я попытался рывком сесть, но тело, ватное и совершенно чужое, не послушалось. Я лишь бессильно рухнул обратно на постель.

Бам! Грохот вышел знатным, подняв целое облако пыли. В нос ударил знакомый аромат орхидей, перемешанный с запахом трухи. Я замер.

«О боги, только не это!»

Теперь я был абсолютно уверен: у меня жар. Это была моя персональная проклятая особенность — как только температура ползла вверх, комната наполнялась запахом орхидей. И чем сильнее была лихорадка, тем гуще становился этот треклятый аромат.

Не знаю, какая мистическая причина крылась за этим феноменом, но, судя по тому, как приторно пахло в спальне, зацепило меня не на шутку. Это объясняло и то, почему я почти не помнил, что произошло после того злополучного «Снежного погребения». Видимо, бредил.

Голова, которая до этого момента лишь глухо ныла, внезапно взорвалась острой болью, будто тысячи муравьев принялись одновременно вгрызаться в мой череп. Да, сравнение странное, признаю, но мне было настолько плохо, что я едва сдерживал слезы. К счастью, в тот момент, когда плотина была готова прорваться, я успел взять себя в руки. Я слишком долго не чувствовал этой болезненной хрупкости и не собирался позволять себе раскиснуть в этом чужом, непонятном мире.

Раздался резкий звук — кто-то бесцеремонно откинул грубый кожаный полог, заменявший дверь. В комнату заглянуло лицо, которое при других обстоятельствах можно было бы назвать симпатичным, но в моих глазах оно выглядело воплощением сущего наказания.

Ши И. Один из тех двоих меченосцев и тот самый парень, что так жестоко обошелся со мной тогда в горах.

— О, наконец-то соизволил проснуться! — в голосе Ши И послышались нотки облегчения. Совсем крошечные, заметьте! Куда больше там было неприкрытого злорадства.

— Покорно благодарю, господин Ши, что не дали мне замерзнуть насмерть! — выдавил я с натянутой улыбкой, решив, что вставать выше моих сил.

По милости этого типа в груди всё еще всё сдавливало, горло саднило, а голос... О, небо! Мой дивный, ангельский голос превратился в хриплое гудение, от которого я сам вздрогнул.

Прощай, небесная гармония, я скорблю по тебе...

— Ты... — Юноша мгновенно залился краской. Видимо, не ожидал такого отпора. Он несколько секунд хватал ртом воздух, а потом пробурчал себе под нос: — Совершенно несносный... А ведь еще пару дней назад...

«Пару дней назад?»

Услышав это, я похолодел. В голове словно что-то взорвалось.

— И, господин Шэ проснулся?

Ши Юй, старший брат этого сорванца, отодвинул его в сторону и вошел следом. Увидев, что я сижу в постели (пусть и покачиваясь), он с облегчением выдохнул.

— Господин Шэ, — он вежливо сложил руки в приветственном жесте, и в этом движении читалось искреннее раскаяние.

В обычное время я бы обязательно ответил со всей подобающей учтивостью, но сейчас меня сковал парализующий страх. Я чувствовал себя так, словно проваливаюсь в трясины.

— Послушайте... — начал я дрожащим голосом. — За эти несколько дней... я ведь не делал ничего... странного?

— Странного? — Ши Юй, казалось, не сразу понял вопрос. Он замер, на его лице промелькнуло какое-то неопределенное выражение — то ли жалость, то ли смущение.

Зато младший, Ши И, не удержался и фыркнул, смерив меня презрительным взглядом.

И одного этого взгляда хватило, чтобы вынести мне смертный приговор. Небо, неужели всё случилось именно так, как я боялся?

— И! Как ты можешь вести себя столь грубо с господином Шэ? — Ши Юй прикрикнул на брата. Его отношение ко мне явно изменилось — видимо, он окончательно решил, что я не представляю угрозы. Что ж, логично, учитывая, какую цену мне пришлось за это заплатить.

— Человек сам себя позорит, прежде чем его опозорят другие! — огрызнулся Ши И. Его неприязнь ко мне только крепла. Не знаю, чем я успел ему насолить, но тон у него был такой, будто я лично придушил его любимую кошку.

— Скажите... сколько времени я пролежал? — Я решил сменить тактику и зайти издалека.

— Три дня, — спокойно ответил Ши Юй.

Три дня! О боги... Я коснулся лба — он пылал. Судя по всему, ближайшее будущее обещало быть крайне безрадостным.

— А ваш молодой глава? Где Люй Цэчжи?

Я огляделся — красавчика в комнате не было, что меня немного удивило.

— У тебя еще хватает наглости спрашивать о нашем господине?! — Ши И буквально подпрыгнул на месте, и на его лице отразилось такое неистовое желание немедленно меня четвертовать, что мое сердце ухнуло куда-то в подвал восемнадцатого круга ада.

Неужели я и впрямь... в бреду... приставал к их господину?!

— А почему бы и нет? — Я старался сохранять внешнее спокойствие, хотя внутри всё дрожало. Мне нужно было вытянуть из них правду.

— Ты... ты с нашим молодым главой такое... а потом... я... — Он задохнулся от ярости, его трясло, и казалось, он вот-вот выхватит меч.

— Ши И, следи за собой, — властный голос старшего брата мгновенно остудил его пыл, но мое беспокойство только усилилось.

— Я ведь не перешел границы дозволенного? — Я спрятал лицо в ладонях, пытаюсь изобразить страуса, хотя надежды на благоприятный ответ почти не осталось.

Прошло тридцать секунд тишины. В душе завыв холодный ветер.

«Шэ Инь, Шэ Инь! Что ты натворил? За что небо так сурово со мной?!»

Я готов был выть по-волчьи от несправедливости бытия. Все мои двадцать четыре года жизни и эта злосчастная участь в другом мире сплелись в один тугой узел. Мне было плевать, что Ши И смотрит на меня как на сумасшедшего. Я погрузился в бездну жалости к самому себе.

В детстве я был очаровательным ребенком. Вечно влипал в неприятности, а потом тихонько радовался, глядя, как взрослые меня оправдывают, называя «маленьким хитрецом». Это было чертовски приятно.

Я всегда считался «здоровым крепышом», но это не значило, что я был полон сил. Скорее, я относился к тому типу людей, которые болеют редко, но метко. Обычная простуда могла

уложить меня в постель на неделю, а уж серьезные болезни и вовсе ставили на грань выживания.

Но не это было главной причиной моей нынешней печали. Моя мать... о, она была женщиной, которая обожала хаос! Возможно, говорить так о родной матери не очень красиво, но, клянусь, я ее до смерти боялся!

В нормальных семьях матери мечтают взять на себя боль ребенка. Но моя! Она не только радовалась моим болезням, она активно способствовала тому, чтобы я не вылезал из коек. За шесть лет начальной школы я стал «почетным клиентом» всех местных больниц. И только треть моих недугов были случайными. Остальные две трети... имели вполне конкретного автора.

А причина была настолько постыдной, что мне до сих пор трудно об этом говорить.

«Ах, Инь-эр, не думай, что мама тебя не любит! Просто когда ты болеешь, ты такой... милый! У мамочки просто нет сил удержаться!»

Слышали? И это слова матери!

«Ничего не подделаешь, ты ведь только в беспамятстве начинаешь так ластиться и капризничать!»

Вот оно! Когда я болел, я становился невыносимо ласковым, капризным и приставучим. Я не знаю, как именно я выглядел в такие моменты, но, судя по энтузиазму матушки, зрелище было эпическим. В лихорадке я терял всякий стыд и начинал вести себя как избалованная девчонка, и это было совершенно непроизвольно!

Позже эта информация просочилась в массы, и любителей посмотреть на «милого Шэ Иня» стало слишком много. Мальчишки в школе специально обливали меня водой или подстраивали мелкие пакости, чтобы я заболел, а потом толпами сидели у моей кровати в лазарете, споря, чья очередь вытирать мне сопли. Я мечтал провалиться сквозь землю.

Поэтому, поступив в среднюю школу, я начал тотальную оборону. Я записался во все секции самообороны, какие только нашел, лишь бы отвадить этих любителей «милых мальчиков». К выпускному классу ажиотаж спал. Я наконец-то зажил спокойно, позволяя себе быть гордым и независимым. Мой личный врач смотрел на меня взглядом покинутого любовника, а мама рыдала, называя меня «неблагодарным сыном» и жалуясь, что я вырос совершенно «несносным».

Я поклялся себе: больше никакого «сюсюканья»! Это наносит непоправимый ущерб моему мужскому достоинству! И мне казалось, я победил эту слабость...

Кто же знал, что в этом мире она проснется с новой силой?!

Пока я предавался меланхолии, полог снова откинулся. Вошел он — Люй Цэчжи. Главный герой моего бреда.

— Ты пришел в себя, — произнес он ровным голосом, но я заметил на его щеках едва уловимый румянец, а в глазах — тень неловкости.

— Э-э... да, — я неловко кивнул. Мне безумно хотелось спросить, что именно я творил эти три дня, но страх перед реальностью заставил меня промолчать.

— Снег прекратился, — констатировал он факт, о котором я молился с самого начала.

— О-о! — Я оживился. — Значит, вы уходите? Что ж, счастливого пути! Простите, что не провожаю — сами понимаете, здоровье не позволяет. В добрый путь, господа!

Я изо всех сил старался скрыть ликование. Пусть уходят! Как только они скроются за горизонтом, я смогу забыть о своем позоре как о страшном сне. Мы больше никогда не увидимся, и всё, что было в этой хижине, останется в тайне.

Но следующая фраза Люй Цэчжи впечатала меня обратно в подушки:

— Нет. Мы уходим вместе.

«Мы?» Я надеялся, что ослышался. Но его взгляд ясно давал понять: в это «мы» вхожу и я — скромный, больной и совершенно несчастный.

— Ох... голова кружится! — простонал я, надеясь притвориться умирающим.

Но в следующую секунду Люй Цэчжи уже сидел на краю моей постели. Его длинные, изящные пальцы, больше похожие на женские, коснулись моего запястья. Он проверял пульс.

Я опешил. Значит, он еще и в медицине смыслит? Хотя логично — если бы на этой горе не было лекаря, я бы уже давно кормил червей.

— Пора спускаться.

Он убрал руку. Его нахмуренные брови подтверждали, что мне действительно худо, но он не проронил ни слова жалобы. Люй Цэчжи коротко приказал братьям Ши собираться, а затем взял звериную шкуру и набросил на меня. Он явно намеревался упаковать меня и унести.

— Стойте! Я не пойду! Я остаюсь здесь! — закричал я. Шутки в сторону. Если я умудрился опозориться здесь, на вершине, то что будет внизу, в цивилизации?

— Я обещал, что не брошу тебя, — отрезал Люй Цэчжи. Его голос звучал твердо, но мне от этой твердости стало не по себе.

— Да ладно вам... — выдавил я нервный смешок.

— Вчера ты вцепился в меня и умолял не оставлять тебя одного. И я пообещал.

Он произнес это буднично, но то, как он отвел глаза, заставило меня облиться холодным потом. Всё было гораздо хуже, чем я думал! Я почти физически представил, как я, обливаясь слезами и соплями, висну на этом красавце, требуя, чтобы он не оставлял меня умирать в одиночестве. О небо! Убейте меня кто-нибудь!

— Вы... вы можете не принимать это всерьез. Это был бред... обычная реакция больного...

— Я никогда не отказываюсь от своих слов! — Он взглянул на меня с таким праведным пафосом, что я понял: спасения нет.

Древние люди! Ваше имя — упрямство! Я же ничего не помню! В конце концов, больной всегда прав, разве нет? Неужели ты не можешь просто меня послушать?!

Я безмолвно взирал на потолок, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы.

«Горе мне! Ну и горькая же у меня доля!»

<http://bllate.org/book/17512/1648468>